

УДК 81“1:81“246.3

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ПУТИ СЕЛЕКЦИИ И КОДИФИКАЦИИ

О. Д. Рустемов

В данной работе рассматриваются актуальные проблемы формирования юридической терминологии крымскотатарского языка на современном этапе. С точки зрения синхронии выделяется ряд лексико-семантических группировок, свойственных подязыку юридической сферы. С позиций диахронии рассматривается проблема исконности-заимствованности терминологии и определяются основные параметры языковой политики в обозначенной системе.

Ключевые слова: терминология юриспруденции, подязык права, языковая политика, лексико-семантическая группа, стандартизация терминологии.

Современные проблемы развития лингвистики обусловили приоритетность и **актуальность** коммуникативно-функционального аспекта исследования терминосистемы. Следует отметить, что в языкознании последнего десятилетия юридическая терминология до сих пор не нашла достаточно полного описания и поэтому остается важным объектом научного изучения. Это подтверждается сложной семантической природой термина и неоднозначностью его функционально-прагматического статуса, что и позволяет рассматривать термин в соотношении с текстом.

В любом юридическом тексте присутствуют специальные термины различных типов. К настоящему времени отсутствуют четкие, научно отработанные критерии классификации и стратификации юридических терминов с учетом их практической значимости. Одни юристы предлагают классифицировать термины на “вертикальные”, т. е. содержащиеся в Конституции и Основах законодательства и являющиеся общеправовыми, и “горизонтальные”, которые далее членят на “межотраслевые”, используемые в нескольких отраслях законодательства, и “отраслевые”, основывающиеся на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий. Такие термины отражают своеобразие конкретной узкой сферы правовых отношений. [1]. Другие употребляют обозначения “чужие” и “свой” для типов терминов, обозначающих соответственно понятия, заимствованные из определенных отраслей знания, и понятия, предполагающие объяснение именно в законе [4, с. 50]. Третьи различают термины, дефинированные и не дефинированные в законе [7, с. 70]. Так, в работе “Язык закона” авторы предлагают также классификацию терминов права на “общеупотребительные”, “общеупотребительные с более узким, специальным правовым значением, сугубо юридические и технические” [7, с. 70]. У истоков последней классификации лежит различение обыденных, технических и искусственных (специально созданных) терминов, предложенная П. И. Люблинским еще в 1917 году [5, с. 12]. Кроме того, выделяют термины точного значения, смысл которых полностью зависит от закона и определяется им, и термины, выражающие оценочные понятия, связанные с конкретными обстоятельствами дела и зависящие от них [3].

Ни одна из предложенных классификаций не устраивает в полной мере ни юристов,

ни филологов. Членение “вертикаль” — “горизонталь” вызывает вполне определенные лингвистические ассоциации, сливаясь с дихотомией “синхрония” — “диахрония” или же “вертикальный” — “горизонтальный” контекст, а с точки зрения правоведов оно еще и не является полным. Распределение терминов на “чужие” и “свои” неизменно заставляет лингвиста воспринимать такую типологию как классификацию терминов на исконные и заимствованные. Для юриста же они неприемлемы по той причине, что и “свои”, и “чужие” термины достаточно неоднородны по составу, поскольку в законе могут определяться и специальные юридические термины, и все иные. Четырехчленная классификация авторов издания “Язык закона” неудачна терминологически, а для филологов не несет никакого значения, поскольку лингвисты рассматривают все термины права именно как *юридические термины*. Что же касается распределения терминов правовой сферы на “точные” и “оценочные”, то следует отметить, что основной характеристикой любого термина является точность, а оценочность в лингвистическом смысле выступает нежелательной терминологической характеристикой; кроме того, категория оценочности в лингвистике понимается совсем иначе (в юридическом смысле значительно удобнее называть их, предположим, “объективными” и “ситуативными”).

Как нам представляется, с лингвистической точки зрения следует рассматривать термины с позиции истории и современности, исконности и заимствований, а также в теоретическом и прикладном аспектах. Кроме того, необходимо учитывать экстралингвистические и интралингвистические особенности терминов права, являющихся неотъемлемой составной частью подязыка юридической сферы.

Так, например, в юридической терминологии крымскотатарского языка можно выделять следующие лексико-семантические группировки:

1) названия разделов права: *adet* — адат, *biökriminologiya (biologiya baqışından suzluq sebeplerini araştıran bilim)* — биокриминология, *grafologiya (yazışbilim)* — графология, *qurşun izleri bilimi* — трассология, *devlet ve huquq aqqında ilim* — учение о государстве и праве, *cemiyet bilimi* — цивилистика;

2) названия правительственных учреждений, органов внутренних дел, прокуратур, адвокатур, пенитенциарных учреждений: *advokat dairesi* — адвокатура, *adyunktura* — адъюнктура, *akademiya* — академия, *yarğucı mahkemesi* — арбитраж, *arşiv* — архив;

3) названия основных правовых актов и законов, регулирующих правовую деятельность всех уровней, других юридических документов: *qararname* — акт, *bill* — билль, *Rim papazının emri* — булла, *huküm* — вердикт, *beyanname* — декларация (государственная), *dekret (qanun)* — декрет, *dava* — дело (судебное);

4) названия юридических должностей, специальностей, квалификаций: *advokat* — адвокат, *yarğucı* — арбитр, *asessor* — ассессор, *ataşe* — атташе, *ayditor* — аудитор, *getman* — гетман, *azıq* — гласный, *tellal* — глашатай, *Uluğ han* — государь, *başqaq* — градоначальник;

5) названия физических и юридических лиц или их совокупности: *agent* — агент, *agentlik (agent şübesi)* — агентство, *yibirgen* — адресат, *aləsə* — адресант, *qabul etken* — акцептант, *alkagolik* — алкоголик, *şikayet etici* — апеллянт, *kiracı* — арендатор, *mahpus* — арестант, *arşiv memurı* — архивариус, *ziamet (faktoriya)* — фактория, *ziftlik* — ферма, *şirket* — фирма, *mal yapqan şirket* —

фирма-изготовитель, *fond* — фонд, *sosiyal mesken sahibligi* — жилищно-коммунальное хозяйство;

6) наименования лиц по признаку родства, сродства или свойства: *qardeş* — брат, *qayın (kocanın ağası, qardeşi)* — деверь, *qız* — дочь, *qarı* — жена;

7) наименования преступлений, проступков, противоправных деяний: *cinayeli bala tüşermesi* — преступный аборт, *qanunsız bala tüşermesi* — незаконный аборт, *afera (dolandıruv)* — афера, *aydutsılıq* — бандитизм, *bekzilerden qazuv* — бегство (из-под стражи), *resmiy şahsnəñ araketsizligi* — бездействие (представителя власти);

8) наименования наказаний: *ateşte yaqma* — аутодафе, *cezağa zektirüv* — взыскание, *qaravul ellerine atəlv* — взятие под стражу, *tazminat* — возмещение (ущерба), *qənamə (cezası)* — выговор, *quvma* — выдворение, *cezanın soñki ölzüsi* — высшая мера наказания, *qovuluv* — высылка;

9) названия предметов, объектов и понятий правовой сферы: *avans vermesi* — авансирование, *avans olaraq* — авансом, *qaza* — авария, *akreditif* — аккредитив, *qabul* — акцепт, *bablə vergi* — акциз, *suzsuzluq isbatı* — алиби, *nafaqa* — алименты, *bağışlav* — амнистия, *aahlâksızlıq* — аморальность, *kezirlikten zıqaruv* — аннулирование, *balans* — баланс, *batma* — банкротство, *felaket* — бедствие, *vatandaşsızlıq* — безгражданство, *balasızlıq* — бездетность;

10) названия государственных наград и поощрений: *tuqafat* — вознаграждение, *unvan işaretleri* — знак отличия, *ücret* — гонорар, *medalya* — медаль, *nişan* — орден, *teşvik* — поощрение, *premiya ücretleri* — премиальные, *premiya* — премия, *premiya verme* — премирование;

11) названия действий и процедур правовых органов и субъектов права: *yoq ütv* — аболиция, *tamirat ve qurtaruv zalışmaları* — аварийно-спасательные работы, *iştiraq ettirüv* — вовлечение, *arzu bildiriş* — волеизъявление, *rey berüv* — голосование, *grafometriya* — графометрия, *daktiloskopiya etüv*, *parmaq izlerini zıqaruv* — дактилоскопирование, *bülme* — дележ, *sürgün* — депортация;

12) термины смежных областей знания (судебная баллистика, судебная медицина, судебная психиатрия, криминологическое экспертоведение и проч.): *agrafiya* — графия, *basqıncılıq* — агрессивность, *alkogolizm* — алкоголизм, *anormallıq* — аномальность, *ataksiya* — атаксия, *affekt, tesirli sinir burhanı* — аффект, *aqıldan azğanlıq* — безумие, *şuursızlıq* — бессознательность, *aqlı sağlam olğanı, öz yapqanına cevapkarlık ete bilüv* — вменяемость;

13) названия атрибутов основных правоведческих лиц, категорий, принципов, предметов, явлений, действий, имеющих юридически релевантное значение: *idarelik tutuqlav* — административный (арест), *huquqiy adres* — юридический (адрес), *alkollik sarhoşlandıruv* — алкогольное (опьянение), *qısmınlə bağışlav* — частичная (амнистия), *istinaf (şikayet) mahkemesi* — апелляционный (суд), *kiralik, kira ödünzi* — арендная (плата), *tam aynılıq* — аутентичный;

14) названия действий юридических и физических лиц, имеющих правовое релевантное значение: *aksept etmek, qabul etmek* — акцептовать, *bağışlamaq* — амнистировать, *iptal etmek, kezirlikten zıqarmaq* — аннулировать, *kiralamaq, kirağa almaq* — арендовать, *vasıflandırmaq, diplom bermek* — аттестовать, *namussızlandırmaq, rezil etmek* — бесчестить, *emanet etmek* — верить, *iştiraq ettirmek, areketlerine qatmaq* — вовлекать;

15) наименования документов юридических и физических лиц: *akreditif* — аккредитив, *diplom, atestat, şahadetname* — аттестат, *saylav varaqası* — бюллетень (избирательный), *vauzer* — ваучер, *cedvel* — ведомость, *veksel, senet* — вексель, *serbest berici vesika* — вольная, *tezkere, vesika, belge* — грамота, дарственная, *vergi beyannamesi* — декларация (налоговая), *diplom* — диплом, *vekaletname* — доверенность, *sözleşme* — договор, *kopiya, ikinci nusha* — дубликат.

Юридическая терминология крымскотатарского языка развивалась в зависимости от исторического процесса, общественно-политического и культурного роста самого крымскотатарского этноса. С динамикой его материальной культуры и духовных запросов, с формированием разветвленных институтов власти и права, с развитием цивилизации изменялась не только терминология юриспруденции, но и весь лексический состав крымскотатарского языка.

Юридическая терминология крымскотатарского языка не является гомогенным образованием, а представляет собой конгломерат исконно тюркских и заимствованных терминологических единиц. Как отмечает Э. В. Севортян, эта лексика, в своей основе кыпчакская, содержит значительное число элементов юго-западных языков, благодаря чему образовалось достаточно много синонимов. Таким образом, негомогенность юридической терминологии проявляется не только на уровне “тюркский — нетюркский”, но и на уровне “один тюркский — другой тюркский”, что, с одной стороны, упрощает, а с другой, наоборот, усложняет процесс и характер унификации и стандартизации терминологии, поскольку терминологические лексемы соотносимы с различными временными пластами (“куманский”, “ногайский”, “огузский” и т. п.).

В сфере юридической терминологии содержатся:

- 1) арабизмы, появление которых в крымскотатарском языке связано с принадлежностью крымских татар к мусульманскому суперэтносу;
- 2) многочисленные заимствования из греческого и итальянского языков;
- 3) персидские заимствования;
- 4) русизмы.

Такая разнородность требует:

— во-первых, установления общего корпуса юридической терминологии, начиная с древнейших источников;

— во-вторых, обоснования целесообразности/нецелесообразности использования тех или иных заимствованных либо исконных терминов;

— в-третьих, создания новых слов-терминов, поскольку типологически отмечено, что “совершенствование юридической терминологии в значительной степени происходит [...] благодаря замене многих арабских терминологических слов (имен и глаголов) [...] эквивалентами из числа обычных слов, входящих в основной словарный фонд” [2, с. 241 – 242].

Как исконные, так и заимствованные термины грамматически оформляются согласно законам крымскотатарского языка, а поэтому разнородность происхождения терминов не должна служить препятствием для унификации, стандартизации и кодификации данного терминологического поля.

В настоящее время тезис о возможности и необходимости языковой политики в области юридической терминологии крымскотатарского языка не вызывает никаких возражений. В самом общем смысле определение языковой политики дано Л. Б. Никольским: “... Мы предлагаем обозначать термином “языковая политика” всю прак-

тику сознательного регулирования стихийных языковых процессов в многонациональных и однопациональных странах, имеющую как перспективный, так и ретроспективный характер” [6, с. 112].

Параметрами языковой политики в области юридической терминологии крымскотатарского языка следует избрать такие категории:

- *перспективность*, которая обеспечит развитие этого пласта лексики с учетом изменяющихся социальных и политических условий без ущерба для нее самой. Это позволит кодифицировать новые нормы с учетом традиций и новаторства в области права, даст возможность изменить функциональное распределение крымскотатарского, украинского и русского языков в этой сфере;

- *демократичность*, которая предоставит возможность самым широким народным массам крымчан принимать полноправное участие в деятельности юридических институтов (и не только юридических, но и общественных, и политических) на родном языке;

- *интегративность*, которая, усиливаясь в результате сознательного влияния на подъязык права, приведет к осознанию крымскотатарской нацией своего реального равноправия с другими крупными нациями, проживающими на Украине. Именно последний параметр стимулирует функциональную значимость разработки юридической терминологии в крымскотатарском языке в настоящий период.

Список литературы

1. Бабаев В. К. Советское право как логическая система. — М., 1978.
2. Баскаков А. Н. Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление // Тюркская лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1971.
3. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. — 1976. — №1.
4. Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. — Алма-Ата, 1966.
5. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. — Пг., 1917.
6. Никольский Л. Б. Синхронная социоллингвистика. — М.: Наука, 1976.
7. Язык закона // Под ред. А. С. Пиголкина. — М.: Юридическая литература, 1990.

Рустемов О. Д. Юридична термінологія кримськотатарської мови в синхронії та діахронії: шляхи селекції та кодифікації.

У пропонованій роботі розглядаються актуальні питання формування правничої термінології кримськотатарської мови на сучасному етапі. З боку синхронії вичленовується низка лексико-семантичних угруповань, притаманних субмові правничої сфери. У діахронічному плані розглядається проблема власних та запозичених термінолексем і визначаються параметри мовної політики в розглядуваній сфері.

Ключові слова: термінологія права, субмова права, мовна політика, лексико-семантична група, стандартизація термінології.

Rustemov O. D. The technical terms of law of Crimean Tatar language in synchronism and diachronism: the ways of selection and codification.

In this article is analyzed the actual problems of the Crimean Tatar terminology of law. It's proposed the view of the lexical groups of the Crimean Tatar terminology of law as the synchronic points of count. Diachronic analyses of the Crimean Tatar terminology of law is also described.

Key words: terminology of law, sublanguage of law, lingual politics, lexical group, terminological standards.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2006 г.